

ФАВОРИТ

ГЛАВА 1

Я дышал конским потом и сыростью. В ушах стоял топот галопирующих копыт, звяканье подков, изредка ударяющихся друг о друга. Позади меня, вытянувшись в линию, скакала группа всадников, одетых так же, как я, в белые шелковые брюки и двухцветные камзолы, а впереди в тумане, ярко выделяясь своим красно-зеленым костюмом, виднелся только один жокей, поощрявший лошадь перед прыжком через березовый забор, который темнел у него на пути.

В сущности, все складывалось так, как и ожидалось. Билл Дэвидсон в девяносто седьмой раз выигрывал скачку. Его гнедой Адмирал доказывал, что остается лучшей скаковой лошадью в королевстве. А я — что же, мне не привыкать — в течение нескольких минут любовался Биллом и его лошадью, увы, только со спины.

Передо мной напрягся, сжался и взметнулся в воздух могучий гнедой круп: Адмирал взял препятствие без всякого усилия, как, впрочем, и положено поистине великому мастеру. И когда я потянулся за ним, он выиграл у меня еще два корпуса. Мы были на дальнем конце мейденхедского ипподрома, примерно за полмили от финишного столба. У меня не было надежды обогнать Билла.

Февральский туман становился все гуще. Трудно было различить что-нибудь дальше следующего препятствия, и окружающая нас молчаливая белизна, казалось, замыкала всю вереницу скачущих всадников

в каком-то нереальном пространстве между небом и землей. Единственной реальностью была скорость. Финишный столб, толпа людей, трибуны и распорядители были невидимыми за завесой тумана где-то впереди, но на расстоянии, составлявшем почти половину скакового круга, трудно было поверить в их существование.

Я находился в таинственном отрешенном мире, где могло произойти все, что угодно. И произошло.

Мы вошли в последний поворот и готовились взять следующее препятствие. Билл скакал на добрых десять корпусов впереди меня и других жокеев; он не напрягался, он редко это делал.

Служитель, дежуривший у следующего барьера, пересек дорожку с поля на бровку, на ходу провел рукой по верхней березовой жерди и нырнул под канат. Билл оглянулся через плечо, и я увидел, как блеснули у него в улыбке зубы, когда он убедился, что я далеко позади. Потом он снова повернул голову к препятствию и рассчитал расстояние.

Адмирал великолепно взял барьер. Он взмыл над ним, словно доказывая, что летать могут не только птицы.

И упал.

Пораженный, я увидел стремительное мелькание черных ног, колотящих по воздуху, когда лошадь сделала сальто-мортале. Я увидел на мгновение фигуру Билла в его ярком костюме, падающую вниз головой с самой высокой точки траектории, и услышал удар, когда Адмирал рухнул на землю позади него.

Автоматически я отклонился вправо и послал мою лошадь через препятствие. Уже в воздухе, пролетая над барьером, я кинул взгляд на Билла. Он лежал, раскинувшись на земле, вытянув одну руку, глаза его были закрыты. Адмирал упал всей тяжестью на живот Билла

и теперь перекачивался взад и вперед в отчаянной попытке встать на ноги.

На какое-то мгновение у меня мелькнула мысль, что под ними было что-то, чего не должно там быть. Но я скакал слишком быстро, чтобы разглядеть, что именно.

Когда моя лошадь миновала препятствие, я почувствовал себя так отвратительно, как если бы сам получил удар в живот. В этом падении была какая-то странность, которая невольно наводила на мысль о преступлении.

Я оглянулся через плечо. Адмиралу удалось наконец подняться, и он скакал легким галопом по ипподрому. Дежурный служитель подошел и наклонился над Биллом, неподвижно лежавшим на земле. Я вновь сосредоточился на скачке. Теперь я был первым и должен был оставаться впереди. По краю скаковой дорожки мне навстречу бежал врач «скорой помощи» в черном костюме с белым шарфом. До этого он стоял у препятствия, к которому я приближался, и теперь спешил на помощь Биллу.

Взяв лошадь в шенкеля, я послал ее через следующие три препятствия, но это уже не имело для меня никакого значения, и, когда я появился как победитель на виду у переполненных трибун, шум разочарованных возгласов, встретивший меня, показался мне вполне заслуженным приветствием. Я проскакал мимо финишного столба, похлопал лошадь по шее и взглянул на трибуны. Большинство голов было повернуто к самому дальнему препятствию — зрители пытались разглядеть в непроницаемом тумане Адмирала, бесспорного фаворита, который впервые за два года не пришел победителем.

Даже симпатичная женщина, миссис Мервин, на лошади которой я скакал, встретила меня вопросом:

— Что случилось с Адмиралом?

— Он упал, — сказал я.

— До чего удачно! — воскликнула она и засмеялась.

Она взяла свою лошадь под уздцы и повела ее в паддок, где расседлывали победителей. Там я спрыгнул с седла и стал отстегивать пряжки подпруги пальцами, дрожащими от пережитого потрясения. Хозяйка хлопывала лошадь по морде и болтала о том, как она рада неожиданному выигрышу, какое счастье, что Адмирал споткнулся, ну просто для разнообразия, хотя, с другой стороны, конечно, его очень жаль. Я кивал, улыбался и не отвечал, потому что, если бы я ответил что-нибудь, это было бы нечто весьма нелюбезное. «Пусть себе радуется своему выигрышу, — подумал я. — Такое бывает не часто, а с Биллом, может быть, ничего и не случилось».

Я снял седло и, оставив миссис Мервин принимать поздравления, протолкался в весовую. Я уселся на весы, был признан соответствующим норме и, пройдя в раздевалку, положил на скамью свои вещи.

Клем, гардеробщик, присматривавший за моими вещами, подошел ко мне. Это был маленький, очень чистенький и аккуратный старичок с обветренным лицом и руками, на которых жилы выступали, как туго натянутые веревки. Он поднял мое седло и ласково погладил его. Я подумал, что это стало у него привычкой. Он гладил седло, как другой погладил бы щеку красивой девушки, наслаждаясь мягкостью и нежностью кожи.

— Хорошо скакали, сэр, — сказал он, но вид у него был не слишком радостный.

Я не хотел, чтобы меня поздравляли. Я отрывисто проговорил:

— Должен был выиграть Адмирал.

— Он упал? — спросил Клем встревоженно.

— Да, — ответил я.

— Майор Дэвидсон в порядке, сэр? — спросил Клем. Я знал, что он обслуживал и Билла тоже, он считал его чем-то вроде младшего божества.

— Не знаю, — ответил я. Но я знал, что лука седла угодила Биллу прямо в живот всей тяжестью лошади, упавшей на него. «Какие могут быть шансы у бедняги?» — подумал я.

Я накинул меховую куртку и пошел в пункт первой помощи. Жена Билла стояла возле закрытой двери. Бледная, дрожащая, Сцилла изо всех сил старалась не поддаваться отчаянию. Ее маленькую стройную фигуру облегал пунцовое платье, а на темном облаке кудрей красовалась норковая шапочка. Сцилла была одета для праздника, а не для траура.

— Алан, — проговорила она с облегчением, увидев меня. — Доктора осматривают его и просили меня подождать. Как ты думаешь, ему очень плохо? — Она словно умоляла меня, а мне нечего было ей ответить. Я обнял ее за плечи.

Сцилла спросила, видел ли я, как Билл упал. Я ответил, что Билл ударился головой и, должно быть, получил легкое сотрясение мозга.

Дверь открылась, к нам вышел высокий, стройный, холеный человек. Это был доктор.

— Вы миссис Дэвидсон? — спросил он Сциллу. Она кивнула. — Боюсь, что вашего мужа придется отправить в больницу, — сказал он. — Было бы неразумно отпустить его домой, не сделав рентгеновский снимок.

Он ободряюще улыбнулся, и я почувствовал, что напряжение Сциллы несколько улеглось.

— Можно мне видеть его? — спросила она.

Доктор заколебался.

— Можно, — ответил он наконец, — но ваш муж без сознания. Он слегка ударился. Головой. Так что не следует его беспокоить.

Когда я хотел пройти вслед за Сциллой, доктор остановил меня, положив мне руку на плечо.

— Вы мистер Йорк, верно? — спросил он. За день до этого он давал мне больничный листок, я тогда слегка приложился.

— Да.

— Вы хорошо знаете эту пару?

— Да. Я почти постоянно живу у них.

Доктор в раздумье сжал губы. Потом он сказал:

— Дело плохо. Сотрясение не главное, у него внутреннее кровоизлияние, похоже — разрыв селезенки. Я звонил в больницу, чтобы там все подготовили для операции.

Пока он говорил, пришла «скорая помощь». Машина двинулась на нас задним ходом. Из нее выскочили санитары, открыли дверь, вытащили носилки и бросились в помещение медпункта. Доктор пошел следом за ними. Вскоре они опять появились, с Биллом на носилках. Сцилла шла позади, на лице у нее была глубокая тревога.

Обычно такое решительное, насмешливое, загорелое лицо Билла сейчас было безжизненным, голубовато-белым, покрытым мелкими каплями пота. Он слабо дышал раскрытым ртом, и его руки беспокойно теребили покрывавшее его одеяло. На нем все еще был его яркий жокейский камзол, и это выглядело особенно жутко.

Сцилла сказала мне:

— Я еду вместе с ним. Ты можешь приехать в больницу?

— Мне нужно участвовать еще в последнем заезде, — сказал я, — а сразу после этого я приеду. Не волнуйся, все обойдется. — Но сам я не верил этому. И она не верила тоже.

Когда они уехали, я мимо весовой, через парк вышел на берег реки. Вздувшаяся от растаявшего снега

Темза, коричнево-рыжая и серая от гребешков белой пены, вырывалась из тумана в ста ярдах справа от меня, пенилась, огибая излучину, на которой я стоял, и снова исчезала в тумане. Туман и неизвестность ждали ее впереди. В этом мы были с ней похожи.

Потому что в несчастном случае с Биллом было что-то не так.

В Булавайо, где я учился в школе, наш математик тратил много часов — я считал даже, что слишком много, — приучая нас делать правильные выводы из минимума данных. Дедуктивный метод — его хобби — он перенес в свою профессию, и нам иногда удавалось с вопросов алгебры и геометрии свернуть его на дела Шерлока Холмса. Он воспитывал класс за классом, в которых ребята проявляли острую наблюдательность, замечая, как именно снашиваются носки башмаков у поденщиц и как у викариев и какие мозоли характерны для арфистов. При этом школа славилась успехами в математике.

Теперь, отделенный тысячами миль и семью годами от раскаленной солнцем классной комнаты в далеком Булавайо и чувствуя, что замерзаю в английском тумане, я вспомнил о своем учителе математики и, мысленно перебрав имеющиеся у меня факты, принялся их анализировать.

Дано: Адмирал, великолепный прыгун, упал на полном скаку без всякой видимой причины. Служитель ипподрома, перед тем как мы с Биллом подоспели к препятствию, пересек скаковую дорожку позади забора, но в этом не было ничего необычного. А когда я взял препятствие и, обернувшись, взглянул на Билла, где-то на самой границе моего поля зрения блеснул тусклым, влажным блеском какой-то металлический предмет.

Я долго думал об этом предмете.

Вывод напрашивался совершенно ясный, но невероятный. Я должен был выяснить правильность этого вывода.

Я вернулся в весовую, чтобы взять свои вещи и взвеситься перед последним заездом, но, когда я стал подкладывать в одежду свинцовые пластинки, чтобы привести мой вес к норме, по радио объявили, что ввиду сгустившегося тумана последний заезд отменяется.

В раздевалке поднялась суета. Чай и фруктовые пирожные стали исчезать с молниеносной быстротой. Прошло уже много времени после завтрака, и я, переодеваясь, тоже затолкал в рот пару бутербродов с говядиной. Я договорился с Клемом, чтобы он отправил мой чемоданчик в Пламpton, где мне предстояло скакать через четыре дня, а сам отправился на неприятную прогулку. Мне хотелось взглянуть вблизи на то место, где упал Билл.

От трибун до последнего поворота на мейденхедском ипподроме неблизкий путь, и, пока я шел, мои ботинки, носки и брюки насквозь промокли в высокой сырой траве. Было очень холодно, стоял туман. Вокруг не было ни души.

Я подошел к забору, сделанному из вертикально поставленных березовых кольев. Трехдюймовой толщины у основания, они были в два раза тоньше у вершины, высотой в четыре фута и шесть дюймов, ширина забора — около десяти ярдов. Обычное легкое препятствие.

Я тщательно осмотрел ту сторону забора, где лошади приземлялись. Ничего особенного. Я вернулся туда, откуда они прыгали. Ничего.

Я взглянул под боковой откос барьера, у бровки, туда, где скакал Билл, когда упал. Опять ничего. И только под другим откосом, что дальше от бровки, я увидел то, что искал: в высокой траве, наполовину спрятан-

ное от глаз, покрытое каплями влаги, свернутое, смертоносное.

Проволока.

Порядочный кусок тускло-серебристой проволоки, свернутой в кольцо примерно в фут диаметром, прижатой к земле обрубком дерева. Один конец проволоки тянулся к несущему столбу забора и был закреплен на два фута над препятствием. Закреплен, как я увидел, очень надежно, открутить его голыми пальцами я не смог.

Я вернулся к боковому откосу и осмотрел столб. На два фута выше препятствия в дереве столба был желобок. Этот столб когда-то побелили, и отметка виднелась отчетливо.

Мне стало ясно, что только один человек мог натянуть проволоку — служитель ипподрома, дежуривший у этого препятствия. Человек, которого я видел, когда он пересекал скаковую дорожку. «Человек, — подумал я с горечью, — которого я оставил, чтобы он помог Биллу».

На трехмильной скачке с препятствиями в Мейденхеде надо проехать два круга. В первый раз у этого препятствия все было в норме, ничего из ряда вон выходящего. Девять лошадей спокойно перепрыгнули через него, причем Билл скакал третьим, сберегая силы для финального броска, а я рядом с ним: я еще сказал ему, до чего мне не нравится английский климат.

А потом был второй круг. Адмирал скакал на несколько корпусов впереди. Как только служитель увидел, что Билл взял предыдущее препятствие, он, должно быть, и пересек дорожку; свободный конец проволоки он держал в руке и, обкрутив его вокруг противоположного столба, туго натянул точно в двух футах над препятствием. На этой высоте хорошо прыгавший Адмирал должен был налететь на проволоку грудью.

Эта чудовищная жестокость наполнила меня гневом, которому суждено было, хотя я тогда этого еще не знал, прищипоривать меня не одну неделю.

Порвала ли лошадь проволоку, когда налетела на нее, или просто стащила ее со столба? Этого я не мог сказать. Но поскольку я не нашел отдельных кусков, а кольцо проволоки, лежавшее у внешнего столба, было целым, я подумал, что лошадь, падая, стащила за собой вниз ее незакрепленный конец. Ни одна из семи лошадей, скакавших за мной, не упала — так же как и моя лошадь. Все беспрепятственно перепрыгнули через остатки этой западни.

Если только служитель, дежуривший у препятствия, не сумасшедший — а эту возможность тоже нельзя было исключить, — тут было преднамеренное покушение на определенную лошадь под определенным жокеем. Билл обычно на этом этапе скачки вырывался вперед на несколько корпусов, а его красно-зеленую форму было хорошо видно даже в туманный день.

Встревоженный, я отправился обратно. Смеркалось. Я пробыл у забора дольше, чем планировал, и, когда я подошел к весовой, чтобы рассказать управляющему ипподромом о проволоке, оказалось, что все, кроме сторожа, уже ушли.

Сторож, старый желчный человек, вечно посасывающий больной зуб, сказал, что не знает, где можно найти управляющего. Администратор пять минут назад уехал в город. Куда он поехал и когда вернется, сторож не знал и, ворча, что ему еще надо присмотреть за пятью топками в котельной и что туман вреден для бронхита, волоча ноги, озабоченно направился к темневшей в тумане громаде главных трибун.

В нерешительности я проводил его глазами. Я знал, что должен сказать о проволоке кому-то имеющему власть. Распорядители, присутствовавшие на скачках, были уже на пути домой. Администратор уехал. Сек-

ретарь заперся в конторе ипподрома, как я узнал позже. У меня заняло бы много времени найти кого-нибудь из них, убедить их вернуться на ипподром, проехать в темноте по неровному покрытию скаковой дорожки. А после этого начались бы догадки, повторения, показания... Прошло бы много времени, прежде чем я смог бы уйти отсюда.

А в эти минуты Билл боролся за жизнь в мейденхедской больнице, и мне отчаянно нужно было знать, побеждает ли он в этой борьбе. Сцилла не находила себе места от беспокойства, а ведь я обещал ей прийти, как только смогу. Я и так задержался слишком долго. Я подумал: проволока, скрытая туманом, надежно прикрученная к столбу, подождет до утра. А Билл мог и не дожждаться.

«Ягуар» Билла одиноко ждал на стоянке. Я забрался в него, включил фары и выехал на дорогу. У ворот я свернул налево, осторожно проехал две мили, еще раз свернул налево, миновал мост, долго кружил по улицам, так как в Мейденхеде везде одностороннее движение, и наконец нашел больницу.

В ярко освещенном вестибюле Сциллы не было. Я спросил о ней у дежурного.

— Миссис Дэвидсон? У которой муж жокей? Она в комнате для посетителей. Четвертая дверь налево.

Я нашел ее. Ее темные глаза казались огромными из-за серых теней под ними. Никаких других красок на ее лице не оставалось, и свою легкомысленную шляпку она сняла.

— Ну как он? — спросил я.

— Не знаю. Они твердят мне только, чтобы я не волновалась.

Сцилла была готова расплакаться. Я сел рядом и взял ее за руку.

— С тобой мне спокойнее, Алан, — сказала она.

Дверь открылась, и вошел молодой белокурый доктор. Стетоскоп болтался у него на шее.

— Миссис Дэвидсон... — Он помялся. — Я полагаю... Вам бы следовало побыть с вашим супругом.

— Как он?

— Плохо. Мы делаем все, что можем.

Повернувшись ко мне, он спросил:

— А вы кто — родственник?

— Друг. Я отвезу миссис Дэвидсон домой.

— Понятно, — сказал он. — Вы подождете или зайдете попозже? — Его осторожный голос, неопределенные слова могли означать только одно. Я взгляделся в его лицо и понял, что Билл умирает.

— Я подожду.

— Хорошо.

Я ждал четыре часа, я детально изучил узоры на портьерах и все щели в линолеуме. Больше всего я думал о проволоке.

Наконец вошла медсестра. Серьезная, молодая, красивая.

— Я очень, очень сожалею. Майор Дэвидсон умер.

Потом она сказала, что миссис Дэвидсон хотела бы, чтобы я вошел и посмотрел на него, и предложила мне следовать за ней.

Медсестра провела меня по длинному коридору в небольшую белую палату, где Сцилла сидела у единственной в комнате кровати. Сцилла только подняла на меня глаза, говорить она не могла.

Билл лежал там, серый, неподвижный, безжизненный Билл. Лучший друг, которого мог бы пожелать себе человек.

ГЛАВА 2

На следующий день рано утром я отвез Сциллу, просидевшую над телом всю ночь, обессиленную и накачанную снотворным, домой в Котсуолд. Дети встре-

тили ее на пороге, у них были испуганные лица и округлившиеся глаза. Позади них стояла Джоан, проворная и умелая девушка, которая присматривала за детьми. Я с вечера сообщил ей обо всем по телефону.

Здесь, на ступеньках, Сцилла села и зарыдала. Дети опустились на колени возле нее, стали обнимать и утешать в горе, которое они не могли еще полностью осознать.

Потом Сцилла поднялась в свою спальню. Я задвинул занавески, укрыл ее одеялом и поцеловал в щеку. Она была вконец измучена и немедленно уснула. Я надеялся, что она проснется не скоро.

Я пошел в свою комнату и переоделся. Внизу, в кухне, Джоан приготовила мне кофе, яичницу с беконом и горячие пышки. Я дал детям по плитке шоколада, который купил для них прошлым утром (казалось, оно было бесконечно давно, это утро), и они сидели рядом со мной, грызя шоколад, пока я завтракал. Джоан налила кофе и себе.

— Алан, — начал Уильям, самый младший. Ему было пять лет, и он никогда не продолжал разговор, если ему не отвечали «да» в знак того, что его слушают.

— Да, — сказал я.

— Что случилось с папой?

Я рассказал им. Обо всем, кроме проволоки.

Некоторое время они молчали. Потом Генри, которому как раз сравнялось восемь, спокойно спросил:

— Его похоронят или сожгут?

И прежде чем я успел ответить, он и его старшая сестра Полли принялись горячо и с удивительным знанием дела обсуждать, что лучше — захоронение или кремация. Я пришел в ужас, но в то же время почувствовал облегчение, а Джоан, перехватив мой взгляд, еле сдержалась, чтобы не хмыкнуть.

Эта бессознательная детская черствость занимала мои мысли, пока я возвращался в Мейденхед. Я поставил автомобиль Билла в гараж и вывел оттуда мой

маленький темно-синий «лотос». Туман полностью рассеялся, но я все равно двигался очень медленно по сравнению с тем, как езжу обычно, и все обдумывал, что же мне делать.

Сперва я поехал в больницу. Я забрал вещи Билла, подписал какие-то бланки, сделал необходимые распоряжения. Полагающееся по закону вскрытие назначили на следующий день.

Было воскресенье. Я поехал на ипподром, но ворота оказались заперты. Я вернулся в город. Контора ипподрома была пуста и тоже заперта. Я позвонил управляющему домой, но там никто не снимал трубку.

После некоторого колебания я позвонил председателю Национального комитета конного спорта, решив обратиться в самую высокую инстанцию, которой подведомственны скачки с препятствиями. Дворецкий сэра Кресвелла Стампа ответил, что узнает, может ли сэр Кресвелл уделить мне несколько минут. Я сказал, что это чрезвычайно важное дело. Тогда сэр Кресвелл взял трубку.

— Надеюсь, дело действительно очень важное, мистер Йорк, — сказал он. — Вы оторвали меня от обеда с друзьями.

— Вы слышали, сэр, что майор Дэвидсон умер вчера вечером?

— Да, я очень этим огорчен, право, очень огорчен. — Он ждал, что я скажу дальше.

Я набрал в грудь побольше воздуха.

— Его падение — вовсе не несчастный случай, — сказал я.

— Что это значит?

— Лошадь майора Дэвидсона была сбита. Проволокой, — сказал я.

Я рассказал ему о своих поисках у забора и о том, что я нашел там.

— Вы известили об этом мистера Дэйса? — спросил Кресвелл.

Дэйс был управляющим ипподромом.

Я объяснил, что не мог его найти.

— И звоните мне? Понятно. — Он помолчал. — Ну что ж, мистер Йорк, если вы правы, это слишком серьезное дело, чтобы им занимался только Национальный комитет конного спорта. Я полагаю, вам следует немедленно известить полицию в Мейденхед. И непременно держите меня в курсе дела. До вечера. Я попытаюсь связаться с мистером Дэйсом.

Я повесил трубку. Я понял, что ответственность переложена на чужие плечи. Я представлял себе, как стынет на тарелке у сэра Кресвелла соус к его ростбифу, пока он заставляет гудеть телефонные провода.

Полицейский участок на пустой воскресной улице выглядел темным, пыльным и неприятным. Я вошел. За барьером стояли три стола, за одним из них молодой констебль уткнулся в воскресное приложение к какой-то газете. «Должно быть, детективом зачитался», — подумал я.

— Чем могу быть полезен, сэр? — спросил он, поднимаясь.

— Есть тут еще кто-нибудь? — спросил я. — То есть я хотел сказать, старший чином. Речь идет об убийстве.

— Одну минуту, сэр. — Он исчез за дверью в глубине комнаты и, тут же вернувшись, сказал: — Пройдите сюда, пожалуйста.

Он посторонился, пропуская меня, и закрыл за мной дверь.

Человек, поднявшийся мне навстречу, был, пожалуй, маловат для полицейского. Коренастый крепыш, лет под сорок. У него были темные волосы. Он выглядел скорее воином, чем мыслителем, но, как я впоследствии убедился, это было поверхностное впечатление. На его столе были разбросаны газеты и толстые юридические справочники. В кабинете стояла духота от газовой горелки, пепельница была полна

окурков. Он тоже проводил воскресенье за чтением, правда — с пользой для дела.

— Добрый день. Я инспектор Лодж, — сказал он, показывая на стул напротив письменного стола. Он тоже сел и принялся складывать газеты в аккуратные стопки. — Вы пришли по поводу убийства? — Мои слова, когда он повторил их, прозвучали очень глупо, но он говорил весьма деловым тоном.

— Речь идет о майоре Дэвидсоне, — начал я.

— Да, у нас есть рапорт об этом. Он умер в госпитале ночью после падения на скачках.

— Это падение было подстроено, — выпалил я.

Инспектор Лодж посмотрел на меня внимательным взглядом, потом достал из ящика лист бумаги, отвинтил колпачок «вечной» ручки и написал дату и время. Аккуратный человек.

— Я думаю, надо вернуться к началу, — проговорил он. — Ваше имя?

— Алан Йорк.

— Возраст?

— Двадцать четыре года.

— Адрес?

Я назвал адрес, сказал, чья это квартира, и объяснил, что живу в основном там.

— А ваше настоящее местожительство?

— Южная Родезия, — ответил я. — Скотоводческая ферма близ деревни под названием Индума, около пятнадцати миль от Булавайо.

— Род занятий?

— Представляю отца в его лондонской конторе.

— А чем занимается ваш отец?

— Собственное дело. Торговая компания «Бэйли Йорк».

— Чем вы торгуете? — поинтересовался Лодж.

— Медь, свинец, скот. Чем попало и всем на свете. Вообще-то, мы транспортная фирма.

Он записал все это быстрым четким почерком.

— Ну а теперь, — сказал он, положив перо, — выкладывайте, в чем дело.

— В чем дело, я не знаю, а произошло вот что...

Я выложил ему все, что знал. Он слушал не перебивая, потом спросил:

— Что же вас заставило думать, что это не обычное падение?

— Адмирал — самый умелый прыгун на свете. У него ноги гибкие, как кошачьи лапы. Он не делает ошибок в прыжке.

По вежливо-удивленному выражению лица инспектора я понял, что он очень мало знает, если вообще знает что-нибудь, о скачках с препятствиями и, наверное, думает, что упасть может любая лошадь.

Я попытался еще раз убедить его:

— Адмирал блестяще берет препятствия. Он ни за что не упал бы вот так, этот забор — пустяк для него, он сам рассчитывал темп, его никто не подгонял. Он отлично поднялся в воздух, я сам видел. Его падение было неестественным. Для меня оно выглядело так, словно что-то было подстроено, чтобы свалить его. Я подумал, что это может быть проволока. И я вернулся, чтобы найти ее, и я ее нашел. Вот и все.

— Гм. А эта лошадь должна была выиграть заезд?

— Безусловно.

— А кто выиграл на самом деле?

— Я.

Лодж помолчал, покусывая кончик своей авто ручки.

— Как принимают на работу служащих на скачках? Есть определенный порядок? — спросил он.

— Точно не знаю. Это народ случайный, их, кажется, берут на один раз, — ответил я.

— А с какой целью такой человек стал бы вредить майору Дэвидсону? — спросил он с наивным видом.

Я пристально посмотрел на него.

— Что же, вы думаете, я все это сочинил? — спросил я.

— Да нет. — Он вздохнул. — Этого я, честное слово, не думаю. Вероятно, следовало бы поставить вопрос так: трудно было бы кому-то, кто хотел повредить майору Дэвидсону, получить работу служителя на скачках?

— Легче легкого, — ответил я.

— Мы должны будем это выяснить. — Он задумался. — Это очень удобный способ убить человека.

— Тот, кто это устроил, не собирался убивать его, — произнес я решительно.

— Почему нет?

— Потому что меньше всего было шансов за то, что майор Дэвидсон разобьется насмерть. Я бы сказал, что это задумывалось для того, чтобы он не смог выиграть скачку.

— При таком падении — и мало шансов разбиться? А мне казалось, что это очень опасно, — сказал Лодж.

Я ответил:

— Те, кто это подстроил, хотели выбить его из седла, как мне кажется. Обычно, если ваша лошадь скачет быстро и сильно задевает барьер, когда вы этого не ждете, вас выбрасывает из седла. Вы летите по воздуху и приземляетесь далеко впереди от того места, куда падает лошадь. Это может закончиться для вас серьезной травмой, да, но редко приводит к смерти. Билл Дэвидсон не полетел вперед. Может быть, он застрял в стремени носком сапога, хотя и это маловероятно. Может быть, он тоже зацепился за проволоку и она задержала его. Он упал отвесно вниз, и его лошадь грохнулась прямо на него. Но даже тогда это чистая случайность, что лука седла угодила ему прямо в живот. Такое нарочно не подстроишь.

— Понимаю. Вы, кажется, много размышляли на этот счет.

— Да. — По ассоциации мне пришли на память узоры на портьерах и на коричневом линолеуме в больницыной комнате для ожидания.

— А вы не думали, кому могло быть выгодно повредить майору Дэвидсону? — спросил Лодж.

— Нет, — ответил я, — его все любили.

Лодж встал и потянулся.

— Пойдемте посмотрим на вашу проволоку, — сказал он и высунул голову в приемную. — Райт, поищите Гокинса и скажите, что мне нужна машина, если она на месте.

Машина была на месте. Гокинс (так я подумал) сидел за рулем, я опустился на заднее сиденье рядом с Лоджем. Вскоре мы уже были на месте. Главные ворота ипподрома были все еще заперты, но, как я убедился, имелись и другие способы проникнуть за ограду. Полицейский ключ открыл неприметные ворота в деревянном заборе.

— Это на случай пожара, — пояснил Лодж, перехватив мой удивленный взгляд.

В конторе ипподрома было пусто, администратор отсутствовал. Гокинс поехал через круг поперек ипподрома к самому дальнему препятствию. Нас здорово трясло на неровной почве. Гокинс подкатил вплотную к откосу барьера у бровки, и мы с Лоджем вылезли из машины.

Я пошел вдоль барьера к противоположному откосу.

— Проволока там, — сказал я.

Но я ошибся.

Был столб, был откос, была высокая трава, был барьер из березовых кольев. Но не было мотка проволоки.

— Вы уверены, что это то самое препятствие? — спросил Лодж.

Содержание

ФАВОРИТ

Перевод С. Болотина, Т. Сикорской 5

КУРАЖ

Перевод Д. Прошуниной295

Фрэнсис Д.

Ф 93 Фаворит ; Кураж : романы / Дик Фрэнсис ; пер. с англ. С. Болотина, Т. Сикорской, Д. Прошуниной. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 544 с. — (Звезды классического детектива).

ISBN 978-5-389-21036-3

Дик Фрэнсис (1920–2010) — один из самых именитых английских авторов, писавших в жанре детектива. За свою жизнь он создал более 30 бестселлеров, получивших международное признание. Его романы посвящены преимущественно миру скачек — Фрэнсис знал его не понаслышке, ведь он родился в семье жокея и сам был знаменитым жокеем. Этот мир полон азарта, здесь кипят нешуточные страсти вокруг великолепных лошадей и крупных ставок в тотализаторах, здесь есть чем поживиться мошенникам. Все это и послужило материалом для увлекательных романов 1960-х годов «Фаворит», «Кураж», которые стали бестселлерами во многих странах мира.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ДИК ФРЭНСИС
ФАВОРИТ
•
КУРАЖ

Ответственный редактор Елена Адаменко
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректоры Ольга Золотова, Лариса Ершова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 13.04.2022. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.

Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 23,97.

Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546,
Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-MCD-29967-01-R